

ЛЮБОВЬ ОРЛОВА

Королева кино

Мне всегда будет
тридцать девять

ЭКСКЛЮЗИВНЫЕ БИОГРАФИИ

Эксклюзивные биографии

Любовь Орлова

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.161.1-311
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Любовь Орлова / «Издательство АСТ», 2015 — (Эксклюзивные биографии)

ISBN 978-5-17-091718-1

Она была самой популярной женщиной в СССР и женой врага народа. Дворянка играла ткачих и крестьянок, ее карьера достигла пика в тревожные тридцатые годы. О ее личной жизни долго время не было известно ничего. Она невероятно много работала, а популярность не вскружила ей голову. О ней она говорила так: «Знаете, что в этом самое замечательное? То, что мое имя дает мне возможность очень многое сделать для других». Любовь Орлова...

УДК 821.161.1-311
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-091718-1

, 2015

© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Любовь Орлова

Автор-составитель Е. А. Мишаненкова

© ООО «Издательство АСТ», 2015

1961 год...

Год великого переворота в сознании людей.

Человечество преодолело земное притяжение и дотянулось до звезд. Советский космонавт Юрий Гагарин первым из людей взглянул на Землю из космоса и вернулся с орбиты уже в статусе небожителя. Человеком № 1 на планете.

Его буквально рвали на части: все, от простых рабочих до королей и президентов мечтали с ним познакомиться, а на любом мероприятии, где он появлялся, немедленно выстраивалась огромная очередь за автографом.

Выстроилась она и на приеме в Кремлевском Дворце съездов. Но в тот раз Гагарин, всегда терпеливо расписывавшийся на протягиваемых ему фотографиях и листочках из блокнотов, вдруг все бросил, протиснулся сквозь толпу своих поклонников и сам попросил автограф у невысокой элегантной женщины.

Этой женщиной была Любовь Орлова.

Глава 1

С благословения Шаяпина и Толстого

Григорий Васильевич еще позвонил мне, когда затеял этот свой шедевр – «Русский сувенир»:

– Фаиночка, для тебя есть чудная роль – сплошная эксцентрика. Ты сыграешь бабушку Любочки.

– Гриша, побойся Бога, – не удержалась я. – Мы же с Любочкой ровесницы! Ты подумал, сколько лет должно быть Любочкиной бабушке, доживи она до наших дней!

Фаина Раневская

Любовь Петровна Орлова родилась 29 января 1902 года.

По крайней мере такая дата стояла в ее паспорте. Но ее подруга, великая насмешница Фаина Раневская утверждала, что на самом деле это произошло гораздо раньше: «Никто не скажет, сколько ей лет. Она вообще гениальна: когда выдавали паспорта в начале тех же тридцатых, никаких документов не требовали – можно было назвать любую дату рождения и любое имя тоже... Так Любочка не растерялась и сразу скостила себе десяток лет! Это я, идиотка, все колебалась: стоит ли? Потом подсчитала, что два года я все же провела на курортах, а курорты, как говорят, не в счет, так и появилась в моем паспорте новая дата рождения: вместо 1895-го 1897-й. И только! До сих пор не могу себе простить такого легкомыслия!»

Конечно, острый язык Раневской хорошо известен, так же как и то, что ее высказывания не всегда основывались на фактах. Но на возражения насчет возраста Орловой она парировала: «А вас не удивляет, что Любочка Орлова, которая по всем документам то на пять, то на десять лет моложе меня, состояла в переписке с Львом Николаевичем Толстым?»

Действительно, был в жизни Орловой такой факт, которым она чрезвычайно гордилась – у нее имелись книга и открытка, надписанные Толстым, который, как известно, умер в 1910 году. Открытку она держала в московской квартире, а книга («Кавказский пленник» с надписью «Любочке – Л. Толстой») хранилась во Внукове, на даче, и муж Орловой, режиссер Григорий Александров, любил демонстрировать их гостям и небрежно сообщать, что они дружили семьями.

Впрочем, сама она объясняла это так: «Однажды мама дала мне почитать детские рассказы Толстого. Рассказы мне очень понравились, и я попросила дать мне еще такую же книжку. У мамы не оказалось ничего подходящего. Тогда я сказала, что напишу дедушке Толстому и попрошу его прислать мне еще одну книжечку. Мама засмеялась, но разрешила, и я сочинила такое письмо: “Дорогой дедушка Толстой! Я прочитала твою книжечку. Мне она очень понравилась. Пришли мне, пожалуйста, еще твои книжечки почитать”. Да и по воспоминаниям жены актера Николая Черкасова, Орлова, показывая ей открытку, полученную от Толстого, говорила, что это было его поздравление на ее шестилетие.

Конечно, шестилетний ребенок вряд ли имел возможность на самом деле отправить такое письмо, это было сложно даже технически, ведь его нельзя послать «на деревню, дедушке Толстому». Но написать письмо маленькая Люба все-таки могла, а отправить его адресату могла ее мама, Евгения Николаевна Орлова, состоявшая с великим писателем в родстве – ее дядя Михаил Сергеевич Сухотин был женат на старшей дочери Льва Толстого Татьяне.

Родство Орловых и Толстых несколько не удивительно – русское потомственное дворянство было не слишком многочисленным, и почти у каждого более-менее знатного рода можно найти родственные связи с какими-нибудь знаменитыми историческими личностями. Тем более у такого семейства, как Орловы.

Вообще, родословная Любви Орловой – тема очень любопытная. Ее ближайшие предки – родители, бабушки-дедушки и даже прадеды и прабабки – в принципе известны. Но вот попытки копнуть глубже и выяснить, к какой из ветвей обширного рода Орловых они принадлежали, приводят разных исследователей к разным результатам. И в основном дело именно в том, что Орловых было уж очень много, в Российском государственном историческом архиве (РГИА) хранятся сотни бумаг о подтверждении дворянства разных Орловых. Попробуй тут разберись, кто есть кто и кем кому приходится, особенно учитывая то, что во время революции много документов было утеряно.

Что известно более-менее точно? В основном то, что сама Любовь Орлова указывала в анкетах, которые заполняла при поступлении на работу или перед поездками за границу. Судя по этим анкетам, ее отец, Петр Федорович Орлов, родился в декабре 1867 года, принадлежал к дворянству Полтавской губернии и был внесен в третью часть родословной книги, где указывалось дворянство, выслуженное по гражданскому чину или ордену. Его женой была Евгения Николаевна, урожденная Сухотина, воспитанница Смольного института, 1866 года рождения. У них было две дочери – Нонна, родившаяся 2 декабря 1897 года по старому стилю, и сама Любовь, появившаяся на свет 29 января 1902 года.

Возможно, Орлова была и не совсем точна, например, слегка лукавила в отношении своего возраста, если верить Фаине Раневской (хотя, несомненно, десять лет – это сильное преувеличение), но в целом ее собственные записи все равно остаются самым надежным источником по ее биографии. От нее же известны и данные о ее деде, Федоре Петровиче Орлове, который родился в 1832 году в селении Прасковьинское Константиноградского уезда Полтавской губернии, в 23-летнем возрасте получил диплом ветеринара, в 1870 году стал магистром ветеринарных наук и надворным советником, а в 1897 году получил чин действительного статского советника. Его женой была дворянская дочь Анастасия Станиславовна Вашкевич. У них было четверо детей – три дочери: Татьяна (1862), Вера (1864) и Наталья (1869), и один сын, Петр Федорович, отец Любви Орловой.

На этом факты заканчиваются и начинаются предположения. По данным известного генеалога Р. Г. Красюкова, прадедом актрисы был Петр Михайлович Орлов (1802/3–1838), родившийся в Вознесенске Константиноградского уезда Полтавской губернии в семье священника. Петр Михайлович был лекарем, служил по военному ведомству. Его жена Пелагея Ефимовна Артюхова (1814– после 1839), дочь отставного майора, кроме сына Федора родила ему трех дочерей: Александру (1833), Веру (1834) и Любовь (1836/7).

А внучатая племянница Орловой, Нонна Юрьевна Голикова, в своей книге «Актриса и Режиссер» приводит свою версию родословной Любви Орловой, начиная с XIV века. По этой эффектной версии в ее предках числятся князья, графы и фавориты Екатерины II братья Орловы, точнее, младший из них, Федор, чей сын, Михаил Федорович Орлов, героический участник войны 1812 года, декабрист, женатый на старшей дочери генерала Раевского Екатерине, и стал, по мнению Нонны Юрьевны, предком той ветви рода Орловых, из которой происходила Любовь Петровна.

Другие исследователи и вовсе считают далеким предком актрисы другого, более знаменитого брата – самого Григория Орлова, любовника Екатерины II. Но при всей романтичности этой версии она уж очень маловероятна.

Версия родословной Любви Орловой из книги Дмитрия Щеглова «Любовь и маска»

*Вечная ирония и вечная прозорливость судьбы: лучшая исполнительница
ролей домохозяйек и ударниц коммунистического труда являлась потомком*

десяти русских православных святых, двое из которых – Великая Княгиня Киевская Ольга и Великий Князь Киевский Владимир – причислены к лику равноапостольных.

... Красный Орел в лазурно-золотистом поле – герб Орловых осенял и бежецкую ветвь рода, к которой принадлежала актриса...

Орловы – один из двенадцати русских дворянских родов, ведущих свое начало от легендарного «мужа честна Льва». Родившийся в 1320 году второй сын Великого Князя Владимирского и Тверского Александра Михайловича (казненного в Орде вместе со своим старшим сыном Федором), – потерянный и забытый Тверским Домом в Пруссии и вскормленный на московские деньги, – тверской княжич Лев Александрович прибыл в 1393 году в Москву не один. В старой родословной говорится об этом так: «... у Льва сын Гаврила, у Гаврилы дети Елизар да Дмитрий, а у Елизара дети Федор Беклемиш и от него повелись Беклемишевы... да Афанасий Княжнин и от него Княжнины, а у другого сына Гаврилова, у Дмитрия, сын Фрол и от него повелись Орловы». Опасаясь преследований со стороны Ивана III Васильевича, этот самый Фрол с сыном Тимофеем отъехал «для невзгоды» в Смоленск. Произошло это, вероятно, в 1499 году.

Интересно, что во время Русско-Литовской войны Тимофей Фролович тайно способствовал Василию III овладеть Смоленском, за что был «пожалован» и возвращен в Москву со всеми сыновьями, среди которых был сын Василий. Согласно «Бархатной книге» Василий Тимофеевич носил прозвище «Орел». Его брат Илья был дедом Лукьяна Ивановича, родоначальника бежецкой ветви Орловых, владевшего селом Люткино по Бежецкому Верху в тверских землях. Село это являлось собственностью Орловых и их потомков вплоть до 1918 года. Между младшими отпрысками рода – Григорием и Владимиром, судя по всему, были довольно сложные отношения, которые в конечном счете привели к полному разрыву между московскими и бежецкими Орловыми. Причиной этому явилось, видимо, то, что Владимир Лукьянович не мог простить своему двоюродному брату Григорию Никитичу стремительную карьеру...

Один из двух сыновей Владимира Лукьяновича – Иван – погиб в бою под Конотопом, в том самом бою, в котором крымцы уничтожили почти всю русскую поместную дворянскую конницу. Его сын Иван завершил карьеру в чине стряпчего царицы Прасковьи Федоровны, августейшей супруги царя Иоанна Алексеевича, и умер в 1693 году, не имея никакого отношения к стрелецким войскам и бунту 1696 года, участникам которого веселый царь Петр изволил рубить головы.

О старшем сыне Ивана Ивановича – Григории – стоит сказать особо. Он начинал службу в потешных полках Петра Великого, участвуя затем во всех войнах, которые вела Россия в это царствование. Отличившись во многих сражениях, он стал лично известен императору, который пожаловал его золотой цепью с собственным портретом. В 1722 году – он полковник Ингерманландского полка, в 1738-м – уволен в отставку с производством в генерал-майоры.

Вошедшая на престол императрица Елизавета вспомнила о доблестном офицере, и вскоре в чине действительного статского советника Григорий Орлов был назначен новгородским губернатором. Прославился он прежде всего тем, что отменил и запретил использование пыток на всей вверенной ему

территории, о чем незамедлительно поставил в известность императрицу. Елизавета отнеслась к начинаниям Григория Ивановича благосклонно, а вскоре уже ставила его в пример другим...

Все дети Григория Ивановича Орлова появились на свет от второй жены – Лукерьи Ивановны Зиновьевой, дочери стольника Зиновьева и его законной супруги Марфы Степановны Козловской, ведущей свой род от первого русского князя Рюрика. Думается, всем интересующимся малоизученной биографией народной актрисы СССР, лауреата нескольких Сталинских премий Любови Петровны Орловой будет нелишне узнать, что только эта Лукерья Ивановна Зиновьева принесла в ее род кровь семнадцати правителей России, двадцати восьми великих и удельных князей, семи шведских монархов, двух императоров Византии, трех половецких и семи монгольских ханов, короля Англии Гарольда II, а также семнадцати российских князей, принадлежавших к родам Козловских и Шаховских, не считая немецких графов и татарских мурз. Десять ее предков, известных своими подвигами на христианском поприще, как уже было сказано, канонизированы и причислены Русской Православной Церковью к лику святых.

Из шести сыновей Лукерьи Зиновьевой, олицетворявших славу рода, первенство безусловно принадлежит Светлейшему Князю Римской империи Григорию Григорьевичу Орлову. Близкое знакомство и расположение Екатерины поставило его во главе заговора 1762 года, после которого он был усыпан коронованной императрицей несметным количеством титулов, должностей и чинов. Влияние его неимоверно росло, в 1763 году император Священной Римской империи возвел Григория Орлова в достоинство Светлейшего Князя...

Четвертый по старшинству из братьев Орловых – Федор Григорьевич – произвел на свет сына, заслуживающего, по совести говоря, отдельного жизнеописания. Но прежде стоит вспомнить, что и сам Федор Григорьевич оказал влияние на ход русской истории. Участник заговора 1762 года, он был возведен вскоре в графское достоинство; в 1763 году Орлов уже стал 4-м обер-прокурором Сената; затем в чине генерал-майора участвовал в экспедиции русского флота в Архипелаг. Под предводительством своего старшего брата, Алексея Орлова-Чесменского, он произвел высадку в греческой провинции Морее и с ходу, с горсткой людей, взял несколько крепостей неприятеля. В Морее братья Орловы провоцировали восстание греков, возглавить которое должен был Федор Григорьевич. И хотя восстание размаха не получило, вплоть до начала XIX века греки считали Федора Орлова своим национальным героем.

25 марта 1788 года Татьяна Федоровна Ярославова, его гражданская жена, родила ему сына Михаила. Восемь лет спустя судьба в лице Екатерины II словно в предвидении блестящего будущего Михаила специальным указом предоставила ему (наравне с другими воспитанниками Ф. Г. Орлова) дворянские права и герб рода.

«Поздравляю вас: ваше имя связано с великим событием», – обняв 26-летнего полковника, сказал Александр I после подписания французами в 1814 году капитуляции, условия которой в расположении неприятельского командования составил Михаил Орлов.

В 1807 году во время войны в Пруссии 19-летний корнет отправлен в ставку Наполеона с предложениями о перемирии, переросшем вскоре в Тильзитский мир.

В биографии Михаила Орлова около пяти встреч с Бонапартом. В 1812 году, будучи во главе разведслужбы штаба 1-й Западной армии, он направлен в ставку Наполеона с предложением разрешить конфликт мирным путем. Собранные Орловым разведданные позволили русскому командованию принять стратегически верные решения о методах ведения войны.

После сражения под Смоленском он вновь в ставке французского императора – на этот раз с целью узнать о судьбе раненого и взятого в плен генерал-майора П. А. Тучкова-Зего...

Затем – Бородино, Малоярославец, Верея... Начальник штаба отдельного кавалерийского отряда генерал-майор Михаил Орлов первым ворвался в Верею с авангардом отряда, за что и был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. С начала и до конца 1813 года он командовал отдельными партизанскими отрядами; за взятие совместно с отрядом Д. В. Давыдова Дрездена произведен в полковники, а годом позже за совокупность боевых заслуг и решающую роль в переговорах о капитуляции Парижа – в генерал-майоры.

В том же 1814 году, будучи во главе международной комиссии держав-победительниц, он с блеском разрешает конфликт между Норвегией, Данией и Швецией...

В начале 1815 года после встречи с графом М. А. Дмитриевым-Мамоновым он создает первое тайное общество – «Орден Русских Рыцарей», ставившее перед собой довольно обширные и традиционные задачи: борьба с лихоимством и взяточничеством, всевозможными беспорядками внутреннего управления, а также создание условий для отмены крепостного права... Тогда же Орлов передает государю некий адрес об уничтожении крепостного права – может быть, первая гласная попытка такого рода в XIX веке, – подписанный высшими сановниками, в числе которых князь И. В. Васильчиков, граф М. С. Воронцов, Д. Н. Блудов. Два года позже, уже в другой записке, более частной, носившей характер протеста против польских конституционных учреждений, Михаилу Орлову удалось добиться реакции императора. К тому времени он уже вступил в «Арзамас», где познакомился с Пушкиным, дружбу с которым поддерживал до конца своих дней. Александр I пригласил Михаила Орлова к себе, потребовал у него составленный документ. Дело принимало совсем скверный оборот (объятия 1814 года были забыты) – не желая выдать соучастников, Орлов отказался передать записку. Вскоре последовал приказ о переводе его в Киев. Неужемность его деятельной натуры проявилась и здесь, где его стараниями захудалая школа кантористов при штабе корпуса превратилась за два года в образцовое военное училище – лучшее в то время в России.

В Киеве Михаил Федорович познакомился с дочерью Николая Николаевича Раевского (командующего корпусом) Екатериной, которая была рождена в полевых условиях (непосредственно под стенами осажденного русской армией Дербента). Мать ее, Софья Алексеевна Раевская, была урожденной Константиновой и являлась внучкой М. В. Ломоносова.

Безнадежно влюбленный в Раевскую Пушкин в день официальной помолвки ее с Михаилом Орловым только по личной просьбе Екатерины Николаевны не вызвал Орлова на дуэль. Отсюда потом его знаменитое: «Мне так тяжело, так трудно видеть их вместе». Раевская даже не позволила Пушкину объясниться ей в любви... Более 20 портретов

Екатерины Николаевны – Марины Мнишек – оставил Пушкин на полях рукописи «Годунова». Была она горда, умна, сильной воли и твердого характера; считалось, что Михаил Федорович находился у нее под каблучком; родственники и друзья именовали ее «Марфа-Посадница»...

Когда Михаил Орлов вышел из «Союза Благоденствия» (из-за недостаточной, по его мнению, радикальности верхушки), вряд ли он предполагал, что уже через несколько лет отойдет от какой-либо активной политической деятельности... Во время восстания на Сенатской площади он был арестован первым среди московских декабристов. За шесть месяцев следствия в Петропавловке с ним виделся только его брат – граф Алексей Федорович Орлов, имевший несомненное влияние при дворе... Ему было предписано выйти в отставку и выехать в ссылку под надзор местного начальства – это был довольно мягкий приговор...

В ссылке Михаил Федорович пробыл вплоть до 1831 года, после чего, мирно вернувшись в Москву, стал членом сразу нескольких научных и литературно-художественных обществ. Последние десять лет его жизни – своеобразная антитеза бурной военно-политической молодости. В 1832 году он стал одним из организаторов и основателей Московского художественного общества, которое объединило художников любителей и профессионалов; этого ему показалось мало, и он создает в Москве общедоступную школу художеств. После смерти Орлова школа получила официальное признание правительства и с 1843 года стала называться Московским училищем живописи и ваяния. Позднее к нему присоединилась архитектурная школа, и с 1905 года рескриптом Николая III училищу дарованы права высшего учебного заведения...

В марте 1842 года при большом скоплении народа Михаил Орлов был похоронен у стен Смоленского собора Новодевичьего монастыря. Могила его сохранилась.

Вторая часть жизни Николая Михайловича (родившегося 20 марта 1821 года, до официального вступления в брак родителей) расцвечена всевозможными орденами и медалями; в 1847 году он участвовал в походе против горцев, за что был награжден Святой Анной 4-й степени; год спустя подавлял венгерский мятеж, не разминувшись он и с Крымской войной; за отличие в сражении под Карсом ему объявлено Высочайшее благоволение... Унтер-офицер, юнкер, корнет, поручик, ротмистр, уволенный в отставку в чине надворного советника, в 1860–1861 годах он – депутат дворянства Петергофского уезда; позже – царскосельский уездный предводитель дворянства... А между тем все это – лишь вынужденный перечень заслуг и достижений, следствие одного скандала, разразившегося в начале 40-х годов, когда Николай Орлов еще учился на философском факультете Московского университета... Многие из знавших Николая Михайловича предсказывали ему блестящую научную карьеру... Любовь к Анне Дмитриевне Бутурлиной, родившей от него двоих сыновей, перевернула всю его жизнь. В брак им вступить не разрешили, и – видимо, это был действительно громкий скандал, – бросив науку, Николай Михайлович поехал под пули горцев на Кавказ...

Только личным указом Николая I можно объяснить тот факт, что оба сына Бутурлиной – Дмитрий и Федор получили фамилию Орлов...

Детство Любы Орловой прошло в Москве и подмосковном Звенигороде, где она родилась. В советские годы она редко говорила о своем дворянском детстве, но по обрывочным свидетельствам можно судить, что было оно вполне счастливым и вполне стандартным. Зимой Орловы в основном жили в Москве, в квартире на Спиридоновке, около Патриарших прудов, а летом выезжали в поместье, принадлежащее Евгении Николаевне. Нонна и Люба воспитывались гувернанткой, учились музыке и танцам, ходили в гимназию и практически ничем не отличались от тысяч своих ровесниц из русских дворянских семей.

Правда, родители ее были людьми с артистическими наклонностями (в той мере, которая была позволена в приличном обществе), и благодаря их родственным связям с Толстым и дружбе с представителями предреволюционной богемы Любе Орловой посчастливилось еще в детстве проявить свои артистические таланты. Ее отец был дружен не с кем-нибудь, а с самим Шаляпиным, великим певцом и уже тогда практически живой легендой. Он часто бывал у них в усадьбе, а они, в свою очередь, приезжали к нему в его имение Ратухино на Волге. Общались они и в Москве, где Шаляпин не раз устраивал в своем доме на Новинском бульваре и у своих богатых друзей-меценатов детские праздники. В одном из них, на котором дети разыгрывали музыкальную сказку «Грибной переполох», принимала активное участие и маленькая Люба Орлова.

Надо сказать, что детские праздники, которые любили проводить в то время артисты и меценаты, были не просто привычными нам утренниками. И прежде всего не из-за маленьких артистов, а потому что устраивали их настоящие гении, без всякого преувеличения. Пьесы писали серьезные драматурги, пению детей обучали певцы с мировым именем, декорации и эскизы костюмов рисовали художники, чьи картины теперь висят в Русском музее и Третьяковке.

Праздник, в котором участвовала Люба Орлова, не был исключением. Спектакль был поставлен по детской опере автора песенки «В лесу родилась елочка» Е. Ребикова. Режиссерами на нем были жена Шаляпина и артист МХТ Александр Адашев, декорации расписывал сам Кустодиев, а детали оформления перед ним делали в мастерских частной оперы Зимина. Костюмы для юных артистов были заказаны у известной московской модельерши Ламановой, которая впоследствии одевала и взрослую, уже знаменитую Любовь Орлову. А афиша спектакля была нарисована знаменитым театральным художником Леоном Бакстом.

Любе Орловой досталась роль Редьки – небольшая, но заметная. Она пела и соло, и в дуэте с другим овощем, Горохом, и в хоре вместе с остальными детьми. Поскольку среди участников было немало известных людей (или ставших известными впоследствии), о нем сохранилось немало воспоминаний, пусть и довольно смутных. Но все сходятся на том, что маленькая белокурая Любочка в розовом платье имела большой успех.

Драматург и первый советский сценарист Иосиф Прут вспоминал: «В особняке на Новинском бульваре давался детский бал. Ф. Шаляпин имел обыкновение трижды в году устраивать для своих детей и их друзей воскресные утренники.

Праздничный зал: яркие костюмы, музыка – все это завораживало собравшуюся детвору. Среди приглашенных был и я – восьмилетний мальчик, ученик приготовительного класса – единственный в гимназической форме.

Юные гости все прибывали – знакомые мне и не знакомые. Радушный хозяин дома, казавшийся нам таким огромным, приветствовал входящих своим громовым голосом. И вдруг в дверях показался... ангел. Весь в чем-то розовом, воздушном... Это была маленькая девочка, белокурые локоны спадали на ее плечи. Шаляпин поднял ее на руки. Я смотрел на нее как заворуженный... и очнулся, когда услышал голос хозяина:

– Дамы приглашают кавалеров!

И тогда это розовое облако подплыло ко мне и произнесло:

– Я вас приглашаю, кавалер!

Так произошло мое знакомство с Любовью Петровной Орловой, которой в ту пору было шесть лет. С Ирочкой, старшей дочерью Федора Ивановича, моей сверстницей, мы были на «ты». Но к розовому ангелу я обратиться на «ты» не посмел. Вот с тех пор мы и говорим друг другу «вы»...

После представления Шаляпин, как с удовольствием потом рассказывали родственники Любы Орловой, подхватил ее на руки, поцеловал и воскликнул: «Эта девочка будет знаменитой актрисой!»... Правда, у самой Орловой было достаточно чувства юмора, чтобы, рассказывая об этом семейном предании, добавлять, что всех других исполнителей того спектакля он тоже подбрасывал на руки и целовал. А может, и обещал им великое артистическое будущее. Если и так, то процент сбывшихся предсказаний все равно остается высоким – кроме Любы Орловой, знаменитыми стали еще два юных участника спектакля. Это дочь самого Шаляпина, Ирина, прекрасная театральная актриса, не посрамившая своей знаменитой фамилии, и Максим Штраух, сыгравший в спектакле «Боровичка» (или «Рыжика» – свидетельства очевидцев в этом вопросе несколько расходятся) и ставший впоследствии народным артистом и главным Лениным советского кино – он сыграл вождя пролетариата в одиннадцати фильмах и спектаклях.

В жизни актера первое появление на сцене зачастую обозначает начало его творческого пути. В моей жизни оно состоялось очень рано, но не обозначало ровно ничего. О своем первом сценическом выступлении я все же рассказываю потому, что оно среди воспоминаний детства самое любимое. Оно связано с именем замечательного артиста Федора Ивановича Шаляпина, с которым мне довелось в детские мои годы повстречаться и даже подружиться, хотя я в то время была весьма обыкновенным ребенком, а он – великим и заслуженно прославленным артистом.

В доме Шаляпиных по случаю какого-то праздника ставили детскую оперетту «Грибной переполох», мне выпало играть роль Редьки. Я, разумеется, не помню, как изобразила этот овощ, помню лишь, что Шаляпин поднял меня и расцеловал, впрочем, как и всех маленьких участников спектакля. Он сказал, что из меня выйдет артистка.

Похвала Шаляпина преисполнила меня детским, а отца с матерью родительским тщеславием. Но о возможности актерской карьеры не подумали ни они, ни тем более я. В семье у нас уже давно было решено, что я стану пианисткой.

Но этим «пророчеством» знакомство Любы Орловой и Шаляпина не ограничилось. Она дружила с его дочерьми и часто бывала у них в гостях, но, конечно, взрослые не обращали особого внимания на детей. Однако ее знакомые вспоминали, что она умудрилась еще раз обратить на себя внимание великого певца – разбила вазу, которую он привез из-за границы. Но то ли ее знаменитое очарование работало уже тогда, то ли Шаляпина просто так растрогал вид рыдающей девочки, что он не стал ругаться и даже сам разбил еще одну вазу и сказал ей: «Ну вот, теперь мы с тобой оба одинаково виноваты!»

Как бы то ни было, но Шаляпин запомнил Любу Орлову и в ноябре 1909 года подарил ей свой фотопортрет с надписью: «Маленькому дружку моему Любочке с поцелуем дарю сие на память. Ф. Шаляпин». А в августе следующего года переписал для нее текст популярного романа «В стекла бьется нам ветер осенний». На этом же листе он набросал пером свой автопортрет и подписал «Милой Любочке на память» и ниже строки известного стихика: «Дети, в школу собирайтесь! Петушок пропел давно. Попроворней одевайтесь, смотрит солнышко в окно». Видимо, это было связано с началом учебного года.

Училась Люба, кстати, в Москве, в женской гимназии Алелековой, в районе Никитских ворот. Кроме того, она серьезно занималась музыкой, как, впрочем, и ее сестра Нонна, игравшая на скрипке. Но Люба, по-видимому, унаследовала музыкальные таланты от обоих родителей – ее мать прекрасно играла на пианино, а отец обладал неплохим голосом, благодаря чему их музыкальные вечера всегда пользовались успехом. «Любимым мной в те годы пением были ария Тамары из “Демона” и цыганский романс “Гай-да, тройка!”». Впрочем, я любила все, что пелось у нас в доме, все, что игралось руками матери и ее друзей музыкантов, любила слушать музыку во время игр и занятий, любила засыпать под звуки музыки Чайковского, Шопена, Моцарта, – вспоминала Любовь Орлова спустя много лет. – Дома будущее мое было предопределено. Родители решили, что я буду пианисткой, и поэтому мама очень рано начала давать мне систематические уроки. Я была прилежной ученицей, и когда семилетней меня привели на экзамен в Ярославское музыкальное училище, после двух или трех сыгранных мной пьесок меня с похвалой зачислили на первый курс. Но не было предела изумлению учительницы, когда в первый же день занятий она выяснила, что я не знаю ни одной ноты, что на экзамене я играла все на память (так учила меня мама). Впрочем, нотная грамота далась легко и не задержала моей учебы».

О том, чтобы пойти в артистки, конечно, тогда и речи не было, это неподходящая стезя для приличной барышни из хорошей семьи. Но... близился 1917 год, который все изменил и перевернул в жизни каждого жителя Российской Империи.

«Жизнеописание Орловой поневоле ведет за собой изложение истории страны, – пишет Александр Хорт. – Еще ребенком она стала невольной свидетельницей трех революций – одной в 1905 году и двух в 1917-м. Ни один россиянин не мог остаться в стороне от социальных катаклизмов. Вслед за войной с Японией монотонно потекла Первая мировая, которую Россия тоже проигрывала. Были столкновения на улицах, забастовки, карательные экспедиции в деревнях. Несмотря на все передраги, общество не заразилось беспощадным унынием: театры не оставались без зрителей, издавались новые журналы, выходили книги, художники писали картины, ставшие потом хрестоматийными и осевшие в лучших коллекциях мира.

Осенью 1917 года до предела обострилась постепенно нарастающая межпартийная грызня; на смену Временному правительству шли уверенные в себе большевики во главе с Лениным и Троцким, многих увлекла анархистская стихия. Одни клеили на стены домов плакаты с призывами, другие тут же срывали их или заклеивали своими, завязывались потасовки. Наконец прогремел выстрел «Авроры», и люди стали жить «под большевиками». Все привычные нормы жизни рухнули, в стране наступила полоса неопределенности. Многие не знали, поддерживать ли Советскую власть, выступить против нее или тихо саботировать. Остаться в «Совдепии» и попытаться приспособиться к новым условиям или бежать за границу, пока не поздно? А может, лучше уехать в глубинку, где удастся относительно спокойно переждать смутные времена?

Подобно многим другим, Орловы тоже была выбиты из привычного ритма. Новая власть при каждом удобном случае твердит о равенстве, а таковым и не пахнет. Одни чувствуют себя хозяевами положения, а других, вроде Орловых, называют обидным словом «бывшие». Семья оказалась в трудном материальном положении. Ко всему прочему, оно объяснялось тем, что незадолго до переворота глава семьи проиграл в карты звенигородское имение. Позже шутил – хорошо, мол, что вовремя проиграл, иначе бы большевики отобрали, было бы еще обиднее».

Возможно, Петр Федорович был по-своему прав и то, что он в своем азарте разорил семью, действительно пошло им на пользу. Революцию Орловы встретили уже практически бедными людьми, гордыни у них сильно поубавилось, зато появилось умение экономить, зарабатывать и вообще выживать любым способом, чего большинство их знакомых не умело. И даже надменная Евгения Николаевна уже успела смириться с тем, что ее Любочка станет не

просто хорошей пианисткой, а пианисткой-аккомпаниатором или даже в крайнем случае тапершей, то есть будет зарабатывать на жизнь своим музыкальным талантом.

Действительно, дореволюционная гордыня осталась в прошлом. Орловы больше не отдыхали в поместьях и не давали музыкальных вечеров в московском особняке. Они перебрались в маленькое имение Сватово, полученное Евгенией Ивановной в приданое и еще не отобранное, где и смогли выжить в голодные годы Гражданской войны благодаря огороду и наличию коровы. Теперь они оказались в положении крестьян и на собственном опыте узнали, что такое сельская жизнь и как одна корова может накормить целую семью. Их рогатая спасительница давала столько молока, что его хватало на всех и даже оставалось на продажу.

И вот, очаровательные барышни Орловы – темненькая Нонна и белокурая Люба – присоединились к толпе крестьян, ежедневно текущей в город, где можно было обменять продукты на деньги или товары. Это было не только трудным занятием, но и очень опасным. Прежде всего потому, что новое правительство в условиях войны и развала экономики ввело пайковую систему распределения продуктов. Частная торговля была запрещена, любой, кто что-то продавал, мог быть объявлен спекулянтom и расстрелян. Правда, до этого доходило редко – законы законами, а все разумные люди понимали, что только крестьяне-частники, привозящие продукты из деревень, не дают горожанам умереть с голоду.

Но и кроме риска попасться на «спекуляции», девушкам было чего бояться. Империя пала, новая советская республика еще только зарождалась, кругом царили голод, бедность, страх, недоверие, а это все вело к разгулу преступности. В транспорте орудовали карманники, на улицах подкарауливали банды беспризорников, и это не считая настоящих, так сказать, профессиональных бандитов. В таких условиях было проще довести тяжеленный бидон до Москвы, чем вернуться обратно налегке, но с деньгами, вырученными за молоко.

Слово «милиция» латинского происхождения и на русский переводится как «войско», «рать», «служба». После революции необходимость в создании рати, обеспечивающей порядок в стране, стала очевидна, и она была создана – рабоче-крестьянская милиция. Излишне говорить, что это, скорее, было ополчение по борьбе с бандитизмом, чем организация по борьбе с преступностью. Учились сотрудники милиции на ходу, на собственных ошибках.

Преступный мир тоже пополнился новичками. Многих война и революция выбили из колеи. Вернулись с фронта люди, привыкшие убивать. Безотцовщина и сиротство толкнули на преступный путь зеленую молодежь. Москвичи стали жить в страхе. По городу поползли слухи и легенды об ограблениях и бандитских налетах. Рассказывали о питерских «попрыгунчиках» огромного роста, одетых в белые саваны, которые нападают на людей около кладбищ и грабят их, о листовках со словами: «Граждане, до десяти часов шубы ваши, после – наши»...

Нередкими стали и ограбления церквей... В ночь на 10 июля 1918 года из церкви Святой Троицы на Капельках, что на 1-й Мещанской улице, воры, взломав решетку окна, похитили восемь икон, потир, дискос, звездицу, две лжицы, два ковша, лампадку, дарохранильницу и наперсный крест.

Грабили, конечно, не только церкви. Врывались налетчики и в рестораны, клубы, одним словом, туда, куда влекло их человеческое мясо, перемешанное с золотом и бриллиантами...

3 апреля 1918 года Всероссийская чрезвычайная комиссия обратилась к гражданам с таким воззванием: «Лицам, занимающимся грабежами, предлагаем совершенно отрешиться от своей деятельности, зная вперед, что через двадцать четыре часа по опубликовании этого постановления

все застигнутые на месте преступления немедленно будут расстреляны». Шутить чекисты не любили, однако даже самыми крайними мерами с бандитизмом покончить было нельзя.

На борьбу с преступностью требовалось мобилизовать массы. Люди же были запуганы и боялись сообщать милиции о преступлениях и преступниках...

26 января 1919 года московский окружной комиссар по военным делам издал приказ № 157. В нем было сказано: «Всем военным властям и учреждениям народной милиции в пределах линии Московской окружной железной дороги расстреливать всех уличенных и захваченных на месте преступления бандитов, виновных в производстве грабежей и насилия. Всем гражданам Москвы, имеющим какие-либо сведения, немедленно сообщать все им известное лично по телефонам: 4–22–60, 2–87 и 26–84 в отделы охраны Москвы по военным делам... Виновных в несообщении известных им сведений надлежит наказывать наравне с бандитами, коих они укрывают. Окружной военный комиссар Н. Муралов».

Особенно яркая вспышка бандитизма в Москве пришлось на 1922 год. После окончания Гражданской войны этим промыслом занялись мародеры. Появились банды и шайки, большие и маленькие. Банды Глобы, Панаетова и другие насчитывали несколько десятков человек...

Между Малым Сухаревским и Малым Сергиевским переулками находился так называемый рваный переулок. Настоящее его название Цветной... Там, в развалинах, в двадцатые годы жили бездомные бродяги, занимались своим ремеслом под открытым небом среди груды камней проститутки. У грязной стены на бечевке были развешаны белье и лохмотья, а рядом, прямо на земле, вповалку, положив кирпичи под голову, спали пропьянствовавшие всю ночь босые люди. По вечерам по переулку было опасно ходить: убьют или ограбят...

Георгий Андриевский. «Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху 1920–1930 гг.».

«Сестры поднимались ни свет ни заря и везли тяжеленный бидон в город, – пишет Александр Хорт. – Особенно трудно приходилось зимой – пригородные поезда не отапливаются, окна разбиты, в тамбурах и вагонах несусветная грязь. В городе выйдешь – хоть три пары варежек надень, все равно от металлического бидона рукам холодно, после они долго болят, суставы распухают. Некоторые утверждают, будто потом Орлова всю жизнь очень не любила свои руки, прятала их, строго-настрого запрещала операторам снимать, поэтому зрители никогда не увидят их в кадре. Это очередная легенда – смотрите сколько угодно во всех фильмах с ее участием. Может, Любовь Петровна действительно считала свои руки недостаточно элегантными – допускаю, что с годами у нее появились недуги вроде отложения солей, болели суставы, однако ее руки были не до такой степени изуродованы, чтобы их стыдливо прятать... Сестры Орловы регулярно следуют по этому маршруту не от хорошей жизни: семье нужны деньги. Вozить молоко – занятие не из приятных. Летом довозят бидон до станции на тележке с колесиками, зимой – на санках. В Москве у них уже постоянные маршруты. Покупатели знают, в какое время девочки привезут молоко, ждут их. Орловы едут не наугад – клиенты постоянные, хорошо знакомые. Маршрут выстроен так, что заканчивается на Божедомке, а последним пунктом на их пути является квартира в Орловском тупике. Название уже стало родным, будто в их честь дано...»

Действительно, любопытное совпадение, тем более что именно там, в Орловском тупике, в итоге поселилась старшая из барышень Орловых, Нонна. Среди постоянных покупателей

привозимого сестрами молока была семья Веселовых, старший сын которых, Сергей, влюбился в нее и сделал ей предложение. Можно только догадываться, что думала бывшая московская барыня Евгения Николаевна о таком мезальянсе, но Нонне Сергей нравился, к тому же его отец был хорошо оплачиваемым столяром-краснодеревщиком, а сам жених учился на инженера-строителя, то есть в будущем вполне мог обеспечить семью. В общем, Орловы в очередной раз проглотили остатки прежней дворянской гордости, и вскоре Нонна, уже став Веселовой, переехала в Москву.

Замужество сестры изменило и жизнь Любы. Теперь она уже не могла возить молоко, одной это было делать трудно, но зато ей было где жить в Москве – дом у Веселовых был большой. А значит, пришло время сделать шаг, о котором в их семье думали уже давно, – поступить в консерваторию. Ее намерение стать пианисткой, казавшееся до революции таким вызывающим, теперь воспринималось как отличная идея. Это хорошая специальность для женщины – чистенькая, надежная, позволяющая общаться с приличными людьми, а главное – кусок хлеба на черный день с ней обеспечен. Хороший музыкант может играть на концертах, давать уроки, аккомпанировать певцам, ну или в крайнем случае играть в ресторанах и кино (фильмы ведь в то время были еще немые и сопровождались музыкой).

Так что в 1919 году Любовь Орлова поступила в Московскую консерваторию по классу фортепьяно, где стала ученицей профессора Карла Августовича Киппа – известного педагога, который преподавал там в течение десяти лет. В консерватории она была на хорошем счету, учеба давалась ей легко, поэтому хватало времени еще и на подработку. Естественно, аккомпаниаторшей студентку никто бы не взял, а в ресторан Люба и сама бы не пошла, так можно было и из консерватории вылететь. Поэтому она остановилась на работе тапера в кинотеатре, или, как это тогда называли: «иллюстратора фильма». Кстати, играли таперы вовсе не то, что им в голову придет, существовала специальная инструкция, где точно указывалось, какими мелодиями следует сопровождать погоню или любовную сцену. Если на экране происходят драки или погони, следовало играть фокстроты и румбы. Если же герои объясняются в любви, их чувства должны были сопровождать вальсы, бостоны. В некоторых, особенно страстных, случаях разрешались жгучие танго. Ну а когда герои болели и тем более умирали, от тапера требовалась минорная музыка.

Сначала Люба подрабатывала в кинотеатре в Воскресенске, куда приезжала к родителям, а потом рискнула устроиться в московский кинотеатр «Унион» на Большой Никитской, неподалеку от консерватории. Конечно, там был риск попасться на глаза преподавателям, но к тому времени она уже знала, что они закрывают глаза на подобные студенческие подработки, понимая, что молодым людям надо на что-то жить.

Впрочем, консерваторию Любовь Орлова не закончила. Несмотря на то что она много работала, плата за обучение была для нее слишком высокой. К тому же она пришла к выводу, что профессиональной пианисткой не станет, а для подработки ее уровня уже хватало за глаза. Но вскоре она опять взялась за учебу, причем опять выбрав артистическую профессию – поступила на хореографическое отделение Московского театрального техникума имени А. В. Луначарского. Его она тоже не закончила, но зато приобрела гибкость, научилась современным танцам и сбросила несколько килограммов. К тому же благодаря этой учебе она получила еще одну возможность дополнительного заработка, очень пригодившуюся в годы НЭПа, – она подрабатывала учительницей танцев.

До 1919 года я училась в Московской консерватории по классу рояля...

И родители были немало разочарованы, когда выяснилось, что постигнутое мной искусство дало мне не шумный успех, не признание и славу, а всего лишь скромную возможность сопровождать во время сеансов игрой на рояле кинокартины.

Иллюстрация кинокартин была первой моей работой в кино. Она давала мне материальную возможность учиться драматическому искусству у режиссера МХАТа Е. С. Телешевой и в балетном техникуме имени А. В. Луначарского. А учиться мне было необходимо: к этому времени я уже начала мечтать о будущем актрисы, о том, чтобы сочетать на сцене театра искусство актера с искусством пения.

Этим моим запросам отвечал, как мне казалось, лишь один театр – театр, которым руководил В. И. Немирович-Данченко, всерьез пытавшийся разрешить проблему поющего актера. Понятно, что я всеми силами стремилась попасть в труппу этого театра, и наконец в 1926 году мне это удалось: меня приняли хористкой.

В актрисы меня вывела театральная учительница К. И. Котлубай. Терпеливо и настойчиво она учила меня необходимым для актера целеустремленности, дисциплине и трудолюбию. Она учила работать не ради легкого и быстрого успеха, а ради глубокого раскрытия сценического образа, учила ставить общее – успех всего спектакля – выше тщеславного желания обратить на себя внимание публики.

В театральном техникуме Люба обучалась в классе пластического искусства Веры Майя, а в свободное время еще и ходила учиться драматическому искусству у прекрасной актрисы Елизаветы Сергеевны Телешевой, которая в то время играла в спектаклях Второй студии МХТ и самого Художественного театра. Телешева была яркой поклонницей системы Станиславского, так что можно сказать, Любе Орловой сильно повезло – она училась не просто у хорошей актрисы, но и у человека, обучавшего по самой современной методике, востребованной в большинстве театров.

Музыка, хореография, драматическое искусство... Наверное, лишним будет говорить, что никто из друзей и родных Любы Орловой не удивился, когда в 1926 году после череды разных подработок ее наконец приняли на постоянную работу в Музыкальный театр имени Вл. И. Немировича-Данченко. Конечно, пока не актрисой, а всего лишь хористкой. Но все было еще впереди.

В двадцатые годы центр тяжести музыкальной жизни сместился в молодые оперные театры, смело отходившие от затвердевших канонов, от всего отжитого, пропахшего нафталином. Для постановщиков и художников появились возможности экспериментировать. Режиссеры прививали певцам актерскую культуру, чем раньше в театрах занимались ничтожно мало.

Особенно постарались для реформы оперного театра Станиславский и Немирович-Данченко. В своих работах они шли разными путями. Константин Сергеевич делал упор на воспитание актеров-певцов, то есть певцов, владеющих навыками драматических артистов. Немировича-Данченко в первую очередь интересовали новые формы спектакля в целом. Порой его начинания носили оттенок эпатажности. Спектакли Музыкальной студии считались новаторскими, мастерство труппы крепло от премьеры к премьере. Если первые постановки – «Дочь Анго», «Перикола», «Лизистрата» – большие тяготели к привычной оперетте, то очередная премьера, «Кармен», выглядела стопроцентной оперой. Тем не менее новая постановка была столь необычна, что произвела подлинный фурор.

Шумиха вокруг этой работы Музыкальной студии усугублялась тем, что почти в это же время «Кармен» была поставлена и в Большом театре. Немирович-Данченко при каждом удобном случае подчеркивал, что в его

студии идет не «Кармен», а «Карменсита и солдат». Да, музыка по-прежнему Бизе, однако произведение, по сути, другое. Достаточно сказать, что такого персонажа, как антагонистка Кармен Микаэла, среди действующих лиц не существовало вообще. А вместо хрестоматийного лейтмотива Эскамильо «Тореадор, смелее в бой!» звучало фатальное «Все на земле лишь игра, игра, игра...». Владимир Иванович смешал партитуры, сократил либретто, поменял местами некоторые музыкальные номера. Одним словом, впервые сделал все то, чем нынешние режиссеры занимаются сплошь и рядом. Тогда же это было в новинку, выглядело не комильфо.

В отличие от жизнерадостной «Кармен» в Большом театре «Карменсита и солдат» была оперой сумрачной, выдержанной в коричневых и фиолетовых тонах. Общий мрачный колорит подчеркивали красные прожектора. С первых картин хор не переставал вещать трагические предсказания, завывая: «Берегись, ты обречен». Словом, зрителей пугали как могли.

Александр Хорт. «Любовь Орлова».

В Музыкальный театр Люба Орлова попала в основном благодаря тому, что училась у Телешевой. Сам Немирович-Данченко ее практически не видел. Он в то время был очень занят – сразу после длинных зарубежных гастролей в Европе и США отправился поработать сценаристом в Голливуде, а в это время прима его театра, Ольга Бакланова, под которую был заточен весь репертуар, решила остаться за границей.

Но как раз Орловой это, возможно, сыграло на руку – из-за ухода Баклановой и некоторых менее значимых актрис в театре начались перестановки, кто-то продвинулся, а следовательно, освободились места, на которые срочно набирали новых актрис, непременно хороших и умеющих петь и танцевать. Она под эти критерии как раз подходила, и Телешева с чистой совестью рекомендовала ее своей приятельнице Ксении Котлубай, которая руководила театром в отсутствие Немировича-Данченко.

Конечно, чтобы попасть на какую-нибудь даже самую маленькую роль, надо было получить одобрение самого мэтра, но хористок Котлубай могла набирать сама. Так Орлова и оказалась в театре, в строю нескольких десятков одинаково одетых девушек, размахивающих веерами, чтобы придать колорит музыкальному спектаклю «Карменсита и солдат».

Теперь перед ней стояла задача любым способом выделиться из этого строя.

И ей это удалось на удивление быстро. Вернувшись в Москву, Немирович-Данченко посмотрел на новых хористок и... выделил среди них Любу Орлову. Так что скоро она получила маленькую роль. Вот так просто.

«В то время в Москве издавался еженедельник «Программы гос. академических театров», – пишет Александр Хорт. – Он был достаточно популярен, тираж составлял 15 тысяч экземпляров. Его название не совсем соответствовало содержанию – там печатались программы всех московских театров, а не только академических. 27 ноября 1926 года вышел очередной выпуск, в котором фамилия Орловой впервые упоминается в печати – в программе «трагического представления» «Карменсита и солдат». Она даже не выделена отдельной строкой, на двух персонажей три актера: «Мальчик и девочка – Образцов, Грубэ, Орлова». Грубэ женщина, значит, у Орловой есть дублерша. Однако первый шаг к славе сделан (кстати, мальчик Образцов – тот самый будущий великий кукольник)».

Но, видимо, она выделилась уж слишком быстро – настолько, что все искали какую-то скрытую причину и насчет отношений Любы со стареющим мэтром ходило немало слухов. Говорили, что Немирович-Данченко в нее влюбился, вот и решил ее выдвинуть. Тем более что прецедент уже был – он действительно был влюблен в свою неверную приму Ольгу Бакланову, а до нее и в других актрис.

Но то были давние дела, из тех времен, когда он был моложе, полон сил и мог тратить время на всякие глупости. А к моменту знакомства с Орловой ему было уже под семьдесят, и он разрывался между МХАТом, своей Музыкальной студией и работой за границей. До девиц ли тут!

Зато другой слух имел под собой все основания. Новой хористкой всерьез увлекся сын Немировича-Данченко, Михаил Владимирович. Он был тоже артист студии, ему было всего тридцать два, и он имел самые серьезные намерения насчет Любы. Но вот она насчет него никаких намерений не имела, даже несмотря на то что отношения с ним могли бы сильно помочь ее карьере, а отказ ответить на его чувства мог бы ей сильно навредить. Впрочем, в то время у Любы Орловой был достойный повод для отказа – она была уже замужем!

После таперства у Л. Орловой на деньги, которые она заработала, было еще несколько «учеб» в разных театральных студиях, в том числе – балетной. Пока в 1926 году она не стала хористкой Музыкального театра, руководимого одним из основателей МХАТа В. И. Немировичем-Данченко. И с этого только момента, будучи уже 24 лет, она повела официальный отсчет времени своего пребывания в искусстве.

На беду актрисы, в нее, тогда уже замужнюю, без памяти влюбился сын мхатовского основателя, Михаил, работавший в том же театре. Многие советовали молодой хористке не бросаться таким «счастьем»: не сменив мужа, А. Берзина, и не выйдя за Мишу Немировича, она откажется от всех шансов на карьере. Но Орлова только отшучивалась: «Да ведь придется и жить с ним!» (с Мишей. – Ю. С.). А когда была в хорошем настроении, сообщает М. Кушников, уверенно добавляла: «Я и так своего добьюсь!»

Но мало сына – на нее, особенно когда он лишился оставшейся после гастролей в Америке своей последней старческой любви и примадонны театра Ольги Баклановой, стал обращать самое недвусмысленное внимание и Немирович-папа.

– Я не раз ловила, – признавалась потом актриса, – его пристальный, заинтересованный взгляд на себе...

Вот этим уж действительно нельзя было пренебрегать. И хотя нет никакого подтверждения тому, воспользовалась ли Орлова вниманием Немировича-старшего, тем не менее из хористок она перекочевала сначала в «эпизоды» с двумя-тремя репликами, а вскоре стала и солисткой, получив, на зависть многим, главные партии в «Корневильских колоколах» и «Периколе», где ее и увидел Александров, ища Анюту для «Веселых ребят».

Юрий Саков. «Любовь Орлова. 100 былей и небылиц».

Замуж Люба Орлова вышла в 1926 году, вскоре после поступления на работу в театр. Об этом браке известно не так много, но судя по немногочисленным свидетельствам, о страстной любви там речи не было.

Андрей Берзин, ставший первым мужем Орловой, был хорошим человеком и выгодным со всех сторон женихом. В свои тридцать три года он уже был заместителем начальника Административно-финансового управления Народного комиссариата земледелия, Наркомзема и занимался организацией и руководством финансирования всей системы землеустройства. А потом на него было возложено и управление работой Наркомзема по производственному кредитованию сельского хозяйства. Он был членом правления Россельбанка, затем членом ревизионной комиссии того же банка и членом совета Центрального сельскохозяйственного банка.

Такой муж давал молодой актрисе уверенность в завтрашнем дне, финансовую поддержку, ощущение стабильности. Причем не только для нее, но и для всей ее семьи, ведь

родители Любы в то время находились фактически на ее иждивении – Петр Федорович, до революции служивший в Государственном контроле, перешел на работу в советский аналог этого учреждения, Рабоче-крестьянскую инспекцию, но оттуда ему быстро пришлось уйти из-за своего дворянского происхождения. Ну а Евгения Николаевна, естественно, как положено приличной даме, вообще не знала, что такое работа, она была профессиональной домохозяйкой и ни для чего другого не была приспособлена.

Встретилась Люба с будущим мужем совершенно банально – Берзин пришел в театр, кто-то из друзей после спектакля привел его за кулисы и познакомил их. Они понравились друг другу, начали встречаться, и, видимо, Люба Орлова быстро поняла, что это подходящий для замужества человек. Во всяком случае, она тут же представила его своим родителям, получила их одобрение, и вскоре они с Берзиным тихо расписались.

Вы не представляете, какой она была. От нее глаз нельзя было отвести. Естественный румянец, нежная кожа, глаза такой голубизны, что, заглянув в них, проваливаешься в бездну. А фигура, ножки – сама гармония. И порода, порода во всем.
Фаина Раневская.

Орлова переехала в квартиру мужа в Колпачном переулке, где они зажили вполне счастливо, в том числе и потому что, будучи очень занятыми людьми, виделись не слишком часто и поэтому не раздражали друг друга несхожестью характеров и увлечений. Тем более что в 1928 году произошла реорганизация Наркомзема, и Берзин был назначен членом президиума Земплана и председателем секции финансирования сельского хозяйства. Работы у него стало столько, что он и дома почти не появлялся. К тому же он занимался научной и литературной работой – писал статьи и очерки, состоял действительным членом НИИ сельскохозяйственной экономики и политики при Тимирязевской академии и был профессором Московского межведомственного института.

Надо сказать, замуж Люба вышла очень вовремя. Скоро был отменен НЭП, вновь начались голодные годы, но благодаря спецпайку Берзина Орловы это время пережили куда легче большинства сограждан. Постепенно Петр Федорович и Евгения Николаевна и вовсе почти поселились у дочери и зятя в их большой квартире. Тем более что Люба была слишком занята в театре, чтобы заниматься готовкой, уборкой и тому подобным, поэтому помощь Евгении Николаевны, взявшей в свои руки все домашние дела, оказалась как раз к месту.

Но увы, этой идиллии скоро пришел конец. Взгляды Берзина, не одобрявшего слишком быстрые темпы коллективизации и повсеместное насаждение совхозов, были не по нраву его руководству, так же как и его «дурная привычка» говорить что думает.

В 1928 году состоялся процесс над «врагами народа», действующими в промышленности – так называемое шахтинское дело. Следующими на очереди были «вредители» в сфере сельского хозяйства. Вскоре газеты начали писать о существовании подпольной «Трудовой крестьянской партии», которая якобы собиралась организовать крестьянские восстания, чтобы сорвать коллективизацию. 20 декабря 1929 года началась Первая Всесоюзная конференция аграрников-марксистов, где Сталин выступил с речью, разгромившей противников коллективизации. А затем последовали аресты...

4 февраля 1930 года в Музыкальной студии давали спектакль из западной жизни «Джонни», в котором участвовала и Орлова. Домой она вернулась поздно, но еще успела увидеть, как в их квартиру явились сотрудники ОГПУ и увели Андрея Берзина. Больше она его никогда не видела.

После ареста мужа Люба Орлова вернулась в квартиру родителей (точнее, они все туда вернулись). Несмотря на то что ей самой удалось избежать каких-либо репрессий, с тех пор она

жила в постоянном страхе, что в следующий раз придут уже за ней. Мало того, что она была дворянка, так теперь еще и жена репрессированного «врага народа». Хуже не придумаешь!

Впрочем, эта история ее не сломила, даже наоборот, ее характер только сильнее закалился. Орлова не собиралась склоняться под ударами судьбы. Ей даже хватило решимости вновь отвергнуть Михаила Немировича-Данченко – а он-то считал, что теперь, после ареста Берзина, его дело в шляпе. Но она не собиралась вступать в связь по расчету, а потом и вовсе влюбилась в другого человека. Ее избранником стал молодой австрийский инженер, работавший в СССР по контракту. Несмотря на то что об их романе много болтали, фамилии его молва не сохранила, но, пожалуй, можно предполагать, что он и стал первой серьезной любовью будущей кинозвезды. Все-таки за Берзина она вышла, руководствуясь скорее разумом, а не чувствами.

Рассказывали, что «почти каждый вечер после спектакля австриец увозил актрису на своем черном хромированном «мерседесе» в ресторан, и только поздно ночью они возвращались в Гагаринский переулок. Остаться там австриец не мог – старшие Орловы не одобряли увлечение дочери да и боялись за нее. Связь с иностранцем еще не считалась преступлением, как несколько лет спустя, но уже могла дорого обойтись советской гражданке. Но Люба, казалось, увлеклась не на шутку, забыв об осторожности. Когда родительские попреки надоедали ей, она переселялась на время к Францу, в шикарный номер гостиницы «Националь»...

Между тем карьера Орловой потихоньку шла в гору. Эпизодические роли сменились на второстепенные, вскоре она сыграла горничную в самом популярном спектакле Музыкальной студии МХАТа «Дочь Анго», потом Жоржету в «Соломенной шляпке» и сумасшедшую в «Девушке из предместья». Не бог весть что, но сама Люба была довольна – она писала с гастролей своей московской подруге Наталье Дузь: «Спасибо за поздравления с “Соломенной шляпкой”. Я была очень счастлива играть премьеру – сама понимаешь. Очень мне обидно, что не было рецензий, я мечтала, что обо мне что-нибудь напишут, но почему-то не было. Часть публики ругалась, а часть была довольна. Самый большой успех дает Карменсита, а потом Анго».

На сцену выкатывался блестящий американский лимузин, его мы взяли напрокат из нашего же спектакля “Джонни”. Я был за рулем, рядом со мной сидела Орлова. Затормозив, я лихо выскакивал из машины, обегал ее и любезно открывал дверцу, встречая свою очаровательную даму. А дама у меня была действительно очаровательная. Молодая, красивая, в элегантном бальном платье. Я же был в черном строгом фраке. Звучало томное танго, и мы с Орловой так же томно, с каменными лицами танцевали. Чем непроницаемее были наши лица, тем заразительнее смеялись в зале.

Владимир Канделаки, артист Музыкальной студии МХАТ.

К тому же в ожидании больших ролей Орлова не теряла времени даром, а пробовала себе еще и в жанре эстрады. С 1928 года она уже начала выступать с концертами из произведений корифеев русской музыки – Глинки, Даргомыжского, Мусоргского и Чайковского. «Я мечтала найти форму исполнения, при которой зритель видел бы не стоящего на эстраде певца, а поющего и действующего в образе актера, – писала она потом в автобиографии. – Этой работой я увлекаюсь до сих пор».

Параллельно она продолжала заниматься хореографией и актерским мастерством, и ее усилия не пропали даром. Ксения Котлубай долго приглядывалась к тому, как она играет свои маленькие роли, и в конце концов стала готовить ее к роли Периколы в одноименной оперетте.

«Перикола» – Опера-буфф Жака Оффенбаха в 3-х действиях, 4-х картинах. Либретто А. Мельяка и Л. Галеви. Премьера состоялась 6 октября 1868 года в Париже.

Содержание:

Действие происходит в столице Перу Лиме в XVIII веке.

Молодые уличные певцы Перикола и Пикильо любят друг друга, да вот беда – их таланты не приносят больших доходов, бедняги еле сводят концы с концами. В один прекрасный день испанский наместник в Перу дон Андреас, инкогнито гулявший по городу, случайно видит голодную и уставшую Периколу. Он хочет сделать ее своей фавориткой. Однако придворный этикет запрещает находиться при дворе незамужним женщинам. Дон Андреас приказывает оруженосцам быстренько выдать Периколу за кого-нибудь замуж. Те случайно натываются на страдающего из-за измены возлюбленной Пикильо, подкупают его и уговаривают жениться.

Перикола, успевшая передумать становиться фавориткой, соглашается на свадьбу, случайно узнав собственного жениха. А Пикильо узнал о своем браке лишь на следующий день, когда протрезвел. Он разозлился и так разбушевался, что его срочно отправили в тюрьму. Перикола добровольно отправилась вслед за ним. После ряда приключений они благополучно освобождаются, заперев в камере вместо себя испанского наместника. Народ защищает беглецов от расправы, и вице-королю, чтобы сохранить лицо, приходится их помиловать.

В «Периколе» Орлова по-настоящему заблистала, и неудивительно, что ей скоро дали еще одну главную роль – в новой оперетте «Корневильские колокола», «взорвавшей» опереточную сцену новым прекрасным либретто, наверное, лучшим из всего, что тогда ставили. «Комсомольская правда» писала о нем: «Мы давно не слыхали на нашей оперной сцене такого яркого, звонкого и культурного текста». Одна из его авторов, Вера Ибнер, говорила в интервью «Вечерней Москве»: «От старых “Корневильских колоколов” у меня, как вероятно у многих, сидело в памяти: “Смотрите здесь, смотрите там”, “Плыви, мой челн, по воле волн”, “Немки, испанки и итальянки, словом, весь мир” и так далее. Все это было несокрушимо как Библия. Казалось почти невозможным хоть как-нибудь обновить эти дряхлые реченья, запетые всеми провинциями вселенной. Поэтому предложение театра Немировича-Данченко заняться “Колоколами” несколько смутило меня и, мне думается, моего соавтора В. Зака. Правда, театр развернул перед нами эскиз плана предполагаемого представления. Но это была только схема, “проект кита”, которому надлежало дать жизнь. Дальнейшая работа авторов театра пошла именно в этом направлении. На мою долю выпали главным образом трудности стихотворного текста. Мне нужно было написать так, чтобы: 1) не рвать общую сюжетную линию, 2) чтобы слова по возможности идеально совпадали с музыкой, 3) и, самое важное, сделать это так, чтобы не уронить свое звание поэта».

Орлова играла в «Корневильских колоколах» главную героиню, актрису Серполетту. Правда, она значилась во втором составе, а ведущей исполнительницей этой роли была прима Музыкальной студии Надежда Кемарская, соревноваться с которой было очень сложно – играла и пела та блестяще. Орлова понимала, что надо найти какую-то фишку, которая поможет ей составить достойную конкуренцию уже полюбившейся зрителям и критикам Кемарской.

И тогда она решила исполнять танцы в «Корневильских колоколах» на пуантах, как настоящая балерина. Это было сложно – пришлось много репетировать, восстанавливая балетную форму, преодолевать боль и усталость, приходиться первой, уходить последней. Но результат того стоил! Зрители были в восторге, когда Серполетта вставала на пуанты, а уж тем более когда она исполняла куплеты «Как жаль, что беспокойный случай меня толкнул на путь иной!», танцуя на пальцах. Орлова уходила со сцены под грохот рукоплесканий!

Глава 2

Верхом на быке

Где-то я прочел о ней: многогранность таланта Орловой! Это не о ней. Она всегранна – возможно, и нет такого слова, но применительно к Любови Петровне другого и подбирать не надо. Она носила любое платье так, что это была сама элегантность, пела – как надо петь, танцевала... Я, мужчина, горец, профессиональный танцор, могу только повторить ее танец, не более того...

Махмуд Эсамбаев

Но статья первой примой Музыкальной студии Любовь Орлова так и не успела. Ее увлекло новое дело, поначалу казавшееся ей всего лишь развлечением, второстепенным занятием, любопытным, но не особо перспективным.

Ей предложили попробовать себя в кино.

В 1931 году она впервые «по набору» явилась на студию и, выстояв долгую очередь из конкуренток, оказалась в кабинете известного, даже знаменитого режиссера, фамилию которого, после того как он так опростоволосился с будущей кинозвездой, предпочитают не произносить.

Один из немногих, он сразу обратил почему-то внимание на крохотную родинку на носу актрисы:

– Вы, конечно, догадываетесь, что меня пугает... как вас зовут?

– Орлова... – Она прикрыла на всякий случай переносицу рукой. – Нет, не догадываюсь...

– Ну как же! Огромная родинка на носу, – округлил знаменитый режиссер пальцы. – Простите, как вас зовут?

Это «как вас зовут?» смешно, с подсказки Орловой, повторял потом Б. Петкер – директор театра в «Весне».

– Орлова... – уже обреченнее повторила актриса.

– Кино – это страшная вещь! – стал внушать мэтр. – Ваша родинка, незаметная, возможно, в театре, превратится на экране в целый глобус!

– О боже! – вздохнула блестящая героиня «Периколы» и «Корневильских колоколов».

– Так что извините, голубушка... как вас зовут?

– Орлова, – в третий раз назвалась актриса.

– Извините, голубушка, – маэстро сокрушенно развел руками, – но кино – это не для вас...

Орловой ничего не оставалось, как, продолжая прикрывать нос рукой – ей казалось, что родинка уже начала превращаться в «глобус», – извиниться за беспокойство.

Юрий Саков. «Любовь Орлова. 100 былей и небылиц».

Не то чтобы Любовь Орлова мечтала о кино – с той поры, как ей пришлось поработать тапершей, она без особого восторга относилась к модным картинкам на экране. Но в то же время, как актриса и как деловой человек, она понимала – это путь к славе. В театре, конечно, интереснее, там и роли сложнее, и игра настоящая, но сколько человек увидят спектакль? Капля в море по сравнению с аудиторией кинофильмов. К тому же это такая возможность

увидеть себя со стороны! Не зря хотя бы раз запечатлеть себя на пленке стремились многие великие артисты, в том числе те, кто в целом был к кино равнодушен.

Тем более как раз на рубеже 20–30-х годов в кино пришел звук. Правда, поначалу он пришел довольно криво и выглядел довольно бесперспективным, особенно для певцов. Рассказывают, что когда Орлова впервые увидела звуковой фильм, она была очень разочарована. И не она одна – звук на первых фонограммах часто был довольно неразборчивый, а то и вовсе пропадал. Иногда из-за шипения и хрипов невозможно было понять, о чем вообще говорят герои. Не зря многие актеры поначалу не восприняли новое изобретение всерьез и считали, что публике быстро надоест эта «игрушка» и она вернется к старым, проверенным и понятным немым фильмам.

Возможно, именно по таким техническим причинам распространение звукового кино в СССР сильно задержалось в сравнении с западными странами. Системы звукозаписи были разработаны во второй половине 1920-х годов, и 6 октября 1927 года в США состоялась премьера первого звукового фильма «Певец джаза», за которым тут же последовало множество других, а немое кино почти сразу сошло со сцены. Но в Советском Союзе даже в 1930 году «Известия» возмущенно писали: «Звуковому кино приходится вести отчаянную борьбу за право своего существования. Все требования общественности повернуться “лицом к звуковому кино”, направленные в Совкино, остались “гласом вопиющего в пустыне”... Нужно окончательно изжить казенный оптимизм и благополучие, еще царящие у хозяйственников наших киноорганизаций. Меньше громких фраз и шуршания бумаги. Больше здоровой пролетарской самокритики!» Но лозунги лозунгами, а факт остается фактом – в СССР немое кино продолжали снимать почти до середины 30-х годов.

Как бы то ни было, попробовать себя в кино Любовь Орлова хотела не меньше других и рискнула сходить с подругами по театру на пробы. В то время это было делом непростым, но не потому что на киностудию стояла очередь из желающих, а всего лишь из-за того, что находилась та бог знает где. По тем временам, конечно. Это сейчас Воробьевы горы – почти центр Москвы, а в 30-е это была несусветная глушь. Нужно было ехать от Киевского вокзала на трамвае до конца, а оттуда еще идти пешком минут двадцать.

Но обиднее всего было то, что старания оказались напрасными – на пробах Орловой категорически сказали, что с такой родинкой на носу она никогда не сможет стать киноактрисой. Так что она ушла с «кинофабрики» разочарованной и расстроенной. Казалось, двери синематографа закрылись перед ней навсегда.

Однако в кино, как и везде, многое решают случайности и личные взгляды. Через два года режиссер Борис Юрцев, готовясь к съемкам своего четвертого, пока еще немного фильма «Любовь Алены», пригласил на небольшую роль жены американского инженера актрису Музыкальной студии Любу Орлову. Его ее родинка не смутила, зато он увидел в молодой артистке некий заграничный шик, позволяющий играть иностранку.

К сожалению, этот фильм не сохранился, его раскритиковали и, как часто бывало в то время, просто уничтожили, не считая нужным сохранять для потомства картины, не заслужившие одобрения партии и правительства. От «Любви Алены» остались только несколько фотографий, на двух из которых можно разглядеть Орлову. Кстати, рассказывали, что она снималась там в собственных костюмах, которые ей помогал приобретать австрийский возлюбленный.

Несмотря на печальную судьбу фильма, Любовь Орлову на киностудии запомнили, и вскоре она была приглашена в следующую, уже звуковую, картину «Петербургская ночь» режиссера Григория Рошаля. Сценарий был написан по мотивам повести Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова» и сюжетных линий из других его произведений, в частности из «Белых ночей».

Примерно на двадцатой минуте фильма перед зрителями впервые предстает Любовь Орлова в роли провинциальной певички Грушеньки – задорная, кокетливая, с бокалом вина в руке. Вместе с другими гостями она поет, танцует, заливисто хохочет на прогулке в санях. У Грушеньки роман с Ефимом, главным героем фильма, поэтому Орловой несмотря на небольшую в принципе роль, удалось сыграть и комические, и драматические, и музыкальные сцены. Звездой ее «Петербургская ночь», разумеется, не сделала, но зато дала возможность проявить себя с разных сторон.

Впрочем, этот первый небольшой успех в то время значил для Любови Орловой не слишком много. Главным ее занятием оставался театр, где она постепенно выходила на первые роли, отодвигая признанных звезд. На «Периколу» и «Корневильские колокола» многие зрители уже ходили конкретно «на Орлову». К тому же ее высоко ценили коллеги, как актрису не только талантливую и разностороннюю, но еще и трудолюбивую, работоспособную и целеустремленную.

Весь этот букет важных качеств, видимо, и стал причиной того, что 23 мая 1933 года театральный художник Петр Вильямс, автор многих декораций к спектаклям Музыкальной студии, пришел к Орловой за кулисы и привел с собой красивого светловолосого мужчину.

– Люба, познакомьтесь, – сказал он. – Григорий Александров, или попросту Гриша, кино-режиссер.

Григорий Александров тоже очень любил театр и музыку. Учась в гимназии, все свободное время проводил в Екатеринбургском оперном театре. Окончил Екатеринбургскую музыкальную школу по классу скрипки. Оказавшись в рядах Красной Армии, проучился на курсах клубных руководителей при Политотделе, после чего стал заведовать фронтовым театром. В 1920 году Григорий демобилизовался, закончил в Екатеринбурге режиссерские курсы Рабоче-крестьянского театра при Губнаробразе и стал инструктором отдела искусств Губобразнадзора. Александров занимался тем, что осуществлял контроль за репертуаром киноматроу.

Настал день – и Григория потянуло в Москву. Он очень хотел стать актером. По прибытии в столицу Григорий первым делом встретился с Евгением Вахтанговым, руководителем Третьей студии Московского Художественного театра. С Вахтанговым найти общего языка не удалось, но зато удалось поступить в труппу Первого рабочего театра Пролеткульта, которой тогда руководил Всеволод Мейерхольд, вскоре уступивший руководство Сергею Эйзенштейну. Времена были тяжелые – голод, разруха. Однажды изголодавшийся Александров попытался стащить ломоть черного хлеба, принадлежавший Сергею Эйзенштейну. Они даже подрались, а после драки, как это часто бывает, подружились. В знак дружбы хлеб был разделен пополам и тут же съеден.

В 1924 году друзья перешли работать из театра в кино. Александров помогал Эйзенштейну снимать его первые фильмы, в том числе и знаменитый «Броненосец «Потемкин»». Поговаривали, что отношения Александрова и Эйзенштейна переходили границу обычной дружбы.

В том же году Григорий Александров женился на Ольге Ивановой, актрисе из московской агитбригады «Синяя блуза». В мае 1925 года у супругов родился сын Дуглас, названный в честь американского киноактера Дугласа Фербенкса, совсем недавно посетившего Москву.

В 1927 году Эйзенштейн и Александров сняли историко-революционную ленту «Октябрь». В Кремле «Октябрь» был принят весьма благосклонно. В качестве поощрения Эйзенштейн, Александров и Эдуард Тиссэ, бывший

оператором всех фильмов Эйзенштейна, за счет государства отправились в длительную поездку по Европе и Америке. Не отдыхать, а пропагандировать советское киноискусство. Длилась эта поездка три года.

Под конец поездки Александров и Эйзенштейн крупно повздорили. Александрову хотелось самостоятельности. Их пути разошлись. Навсегда.

Вскоре Александрова вызвали в Кремль, к самому Сталину. После этой встречи Александров снял (а точнее – смонтировал из кусков кинохроник и «Октября») двадцатидвухминутный документальный фильм «Интернационал», прославляющий Сталина. Сталин запомнил молодого режиссера.

Их следующая встреча состоялась в самом начале 1933 года на даче великого пролетарского писателя Максима Горького. Разумеется, она была не случайной. Случайностей Сталин не признавал.

Вождь заметил, что советскому народу не хватает веселых фильмов...

26 марта 1933 года в газете «Комсомольская правда» появилась заметка «Звуковая комедия руками мастеров». Вот отрывок из нее:

«На чрезвычайно дефицитном советском кинокомедийном фронте назревают крупные события, которые могут порадовать всю нашу общественность. Ряд виднейших мастеров – С. Эйзенштейн, Г. Александров, А. Довженко и др. – уже включился и в ближайшее время начинает работу по созданию этой нужнейшей нашему зрителю кинопродукции.

Первой ласточкой, делающей комедийную “киновесну”, является сценарий, написанный в исключительно ударные для нашей кинематографии темпы – 2 1/2 месяца – драматургами В. Масс и Н. Эрдманом в тесном содружестве с режиссером Г. Александровым. Этот сценарий, насквозь пронизанный элементами бодрости и веселья, представляет интерес еще и с той точки зрения, что он явится своего рода первым фильмом жанра кинотеатра-джаза на советской тематике, советского содержания. По замыслу авторов фильм создается как органически музыкальная вещь с участием большого мастера эксцентрики – Леонида Утесова и его театра-джаза. В этом фильме будет дана не болящая и расслабляющая фокстротчина, а здоровая музыка, обыгрывающая различные положения сюжета и сама как бы являющаяся действующим музыкальным аттракционом».

Андрей Шляхов. «Главные пары нашей эпохи. Любовь на грани фола».

Александров знакомился с Орловой не просто так – он в это время активно искал актрису на роль домработницы Анюты в своем будущем фильме «Веселые ребята». Это было делом сложным – все-таки планировалась первая в СССР музыкальная комедия, а следовательно, к актрисе предъявлялись повышенные требования. К тому же она должна была хорошо смотреться в паре с исполнителем главной роли Леонидом Утесовым, который играл молодого пастуха, будучи совершенно не пастушьего вида и тридцати восьми лет от роду.

К тому времени как Александров увидел Орлову, он уже готов был опустить руки. На Анюту пробовалось несколько кандидаток, среди которых были не только актрисы, но и девушки, не имеющие никакого отношения к кино, однако ни одна не подошла.

Сам Александров вспоминал даже о совсем уж оригинальном случае: «До Москвы дошел слух, что в Раменском районе есть девушка-трактористка, поражающая всех своими песнями и плясками. По нынешним временам она обязательно вышла бы в лауреаты республиканского, а то и всесоюзного масштаба, а тогда...

Мы приехали в Раменское. Для нас организовали что-то вроде смотра сельской художественной самодеятельности. Выступал колхозный ансамбль, и девушка эта пела и танцевала.

Способности у нее были действительно выдающиеся, и я решил вызвать ее на «Москинокомбинат» на пробу. Но директор МТС не отпустил девушку в Москву, мотивировав это примерно так: «Нечего ей тут горло драть, пусть как следует на тракторе работает. Тоже мне артистка!»»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.